

РОЗДІЛ ПЕРШИЙ

УДК 319.02

*Н.Отрешко,
кандидат социологических наук*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ “СУБЪЕКТ” В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье автор подчеркивает диалектическую двойственность, заложенную в современных социологических концепциях субъекта. Цель статьи – обосновать тезис о том, что понятие “субъект” более, чем понятия “личность”, “актор”, “агент”, соответствует динамической картине социальной реальности.

Keywords: *subject of action, subject of recognition, actor, agent.*
Ключові слова: *суб’єкт дії, суб’єкт пізнання, актор, агент.*
Ключевые слова: *субъект действия, субъект познания, актер, агент.*

Постановка проблемы. В современной социологии усиливается внимание к субъективной стороне социальной реальности. Это связано не столько с общим развитием демократии, при котором субъекты действия получают больше возможности влиять на ситуации социального мира, рационально осмысливать обстоятельства и взвешенно принимать решения. Такая картина на сегодняшний день будет выглядеть несколько идеализированной. Скорее интерес к субъектам вызван изменением скорости трансформаций в современной реальности, где иногда

воля к действию незначительной группы людей способна в короткий срок значительно повлиять на ход событий. Обладая одним из наиболее сложных объектов исследований, социология за два столетия существования породила достаточно много различных подходов к изучению социального мира. Возвращение человека действующего в современную социологию часто принимает весьма разнообразные формы, связанные с различиями в теоретических подходах в ней представленных. Отсутствие согласия между представителями разных методологий и философий в рамках социальной науки само по себе часто является препятствием к пониманию и грамотному научному диалогу. Данная статья является попыткой приблизительного обобщения существующих подходов к вопросу социального действия, что, возможно, позволит в дальнейшем сформировать модель субъекта действия в поле существующих социальных ограничений.

Современное состояние исследования проблемы. На сегодняшний день существует большое число классификаций социологических теорий и исследовательских парадигм. Одной из таких классификаций является классификация Ю.Резника, представленная во “Введении в социальную теорию” [1, с. 159–173], где им выделяются системы теоретических координат в социальных науках, которые он представляет в виде двух дихотомических рядов: онтологических и гносеологических. К дихотомиям онтологического характера относятся дихотомия “субъект – объект” и производные от нее дихотомии “действие – структура” и “взаимодействие – система”. Они связаны с исходным определением социальной реальности. “Антитеза “социальная реальность есть множество объектов, независимых от индивидов и детерминирующих их поведение” и “социальная реальность есть форма существования субъектов, порожденная и обусловленная ими” служит разделительной линией между двумя типами социальных теорий – структурно-функциональными и интерпретативными” [1, с. 160].

Второй ряд дихотомий – дихотомии гносеологического порядка, обусловленного тем или иным подходом к познанию социальной реальности. К ним относятся дихотомии “субъективизм – объективизм”, “реализм – номинализм”, “методологический индивидуализм – холизм” и др. В теориях субъективистской ориентации мало обращается внимания на анализ независимых от индивида социальных конструкторов: структур, институтов, общепринятых правил и норм, паттернов поведения, поскольку исследователи предполагают, что акторы в состоянии избежать ограничений социальной реальности, если в достаточной мере осознают их. Отсюда предметом анализа становятся действия людей, которые в конечном итоге формируют структуры социальной реальности. Данную исследовательскую позицию разделяют представители символического интеракционизма, феноменологической и экзистенциальной социологии.

“Исследователи объективистской ориентации, напротив, делают основной упор на объективной природе социальной реальности и однозначной детерминации субъективных явлений факторами объективного порядка” [1, с. 161]. Данной точки зрения придерживаются марксисты и сторонники социального бихевиоризма, а также представители структурного функционализма. Они изучают законы социальной реальности, которым подчинено поведение индивидов.

Обобщение теорий социального действия представлено в работах Дж.Александера [2], Дж.Ритцера [3], И.Девятко [4]. Современной трактовкой интерпретативной теории действия является концепция дуальности структур Э.Гидденса [5]. Теория практической рациональности представлена в работах Дж.Коулмена и Дж.Элстера, а также в концепции практики П.Бурдьё.

Проект открытия и освобождения автономного субъекта лежал в основе рождения западноевропейского философствования. Ведь именно попытка соединить две противоположные тенденции: требование легитимации свободной

индивидуальности наряду с социальными формами жизни и потребность во всеобщности, объединяющей всех, объясняет своеобразие всей западной философии, начиная с Нового времени. Гуманизм стал культурным выражением философского утверждения человека в качестве субъекта. “То, что для Античности и Средневековья было “местом Бога”, становится в эпоху модерна местом человека” [6, с. 32]. Отсюда происходит присвоение субъектами эпохи модерна двух божественных атрибутов – всеведения, на место которого приходит научное познание, способное, как казалось, к познанию универсальных законов и устойчивых тенденций, и божественного всемогущества, аналогом которого становится развитие современных технологий и освоение или, скорее, подчинение природы.

Концепцию субъективности в западной философии можно разделить на две составляющие: теории индивидуализма и теории автономии. В первом случае речь идет о субъекте как о носителе Божественного начала и воли, практически ничем не ограниченного в своих действиях, кроме внешнего закона природной необходимости. В теориях автономии действия субъекта ограничивает не столько неумолимость внешних факторов, сколько внутренний закон морали и долга. В первом случае субъект, по существу, асоциален, или социален по принуждению. Во втором случае он добровольно налагает на себя бремя долга и становится осознанно действующим гражданином общества.

В западной философии, начиная с Декарта и Лейбница, тема субъекта познания и действия развивается в двух концептуальных направлениях: независимости и автономии. Тема независимого субъекта получает наиболее полное свое развитие в философии Ф.Ницше. Тема автономного субъекта находит свое воплощение в нравственной философии И.Канта. В современной немецкой философии идея автономности субъекта дополняется идеей креативной, “плавающей” идентичности субъекта, которая не является жестко фиксированной в определенных качествах и моде-

лях поведения личности, а обладает способностью к изменениям в зависимости от ситуации действия.

Субъект классической философской традиции наделен следующими чертами: его сознание целостно, прозрачно для саморефлексии, доступно для понимания; мотивы действия субъекта в основном рациональны и утилитарны; мышление для субъекта является основной формой деятельности сознания и именно в процессе мышления формируется субъект как самостоятельная независимая от внешних обстоятельств личность. Разрушение классического образа субъекта начинается в философии Ф.Ницше и завершается в концепциях “смерти субъекта” постмодернистов. На место устойчивого набора личностных качеств субъекта или субъекта автономии, подчиненного долгу, приходит субъект желаний, субъект как процесс постоянных метаморфоз и изменений, реагирующий на изменяющийся внешний мир и переполненный подсознательными импульсами. В постструктурализме Ж.Лакана и в концепции идеологии Л.Альтюссера субъект практически поглощается – в первом случае структурами языка, который подчиняет сознание субъекта понятийным матрицам восприятия, во втором случае – субъект формирует свою идентичность благодаря оклику власти. В обоих случаях за внешней независимостью субъекта скрыта готовность к подчинению либо власти, либо играм подсознания.

Постнеклассический образ субъекта в западной философии впервые оформляется в концепции исторического субъекта М.Фуко, а также в теории субъекции Дж.Батлер. В обеих концепциях субъект анализируется с точки зрения исторических, социальных и психологических условий его возможности. Субъект понимается не как существующая данность, а как определенная техника постижения своей идентичности, путь к самому себе, который могут пройти все, но в итоге проходят только немногие. Можно сказать, что только в постнеклассических философских концепциях субъекта постигается диалектическая двойственность данного понятия. Субъект как мерило всех вещей и субъект

как “подлежащий”, подчиненный миру, основа бытия, с помощью которой постигаются и строятся структуры реальности.

Задачи данной статьи – дать определение субъекта в разных направлениях современной социологии, обосновать, почему понятие “субъект” более, чем понятия “личность”, “актор”, “агент”, соответствует динамичной картине социальной реальности, представленной в постнеклассических теориях.

Основополагающей характеристикой субъекта считается то, что он вынужден постоянно взаимодействовать с окружающей средой в целях выживания. Действие и познание определяются как два взаимосвязанных процесса такого взаимодействия.

В процессе познания субъект стремится создать образ упорядоченного пространства окружающего мира, где ему будет обеспечена хотя бы временная определенность. Для этого создается представление о стабильности основополагающих причинно-следственных связей, что приводит субъекта познания к продуцированию такой картины мира, где основополагающим характеристикам присуща статичность, то есть субстанциональность. Субстанционализм как основополагающая характеристика картин мира был необходим до тех пор, пока субъект познания ощущал себя зависимым от жизненной среды. В субстанционалистских картинах мира субъект неотделим от объекта, они составляют единое пространство бытия, подчиненного целесообразности миропорядка высшего уровня. Следование законам, установленным трансцендентной силой, служило гарантом безопасности жизни субъекта и эффективности его действий в субстанционалистских картинах мира.

В процессе изменения жизненных условий и повышения автономности субъекта от окружающего пространства он выделяет себя из природного и социального мира, обозначает себя как индивида. Образ разделенности субъекта и объекта формируется в картине мира эпохи Возрождения,

где человек провозглашается творцом самого себя, надежным свободной волей.

Постепенно индивидуализм становится доминантной чертой в западной картине мира. Отсюда возрастает интерес к внутреннему пространству субъекта, которое отделяется от окружающего мира невидимой границей и противопоставляется ему. Окончательное формирование субъект-объектной диады происходит в научной картине мира, где субъект познания выступает в роли наблюдателя за процессами, происходящими в природном и социальном пространстве. Субстанциональность, то есть изначальная стабильность мира, позволяет выявлять его закономерности в процессе познания и использовать знание о них для повышения эффективности действий. В философии познания, принадлежащей к научной картине мира, складывается образ о двух субстанциях: физической и мыслительной, субстанции природы и субстанции сознания, которые принципиально несводимы друг к другу. По мере развития научного знания образ о целостности этих субстанций, их внутренней непротиворечивости сменяется образом динамичной реальности, находящейся в процессе постоянного становления. “Возникновение человека в качестве субъекта означает редукцию всякой реальности к тому, что для субъекта является объектом” [6, с. 32]. В этом случае человек заявляет о себе как о силе основания (основания своих поступков, основания истории, истины, закона). В классической философии субъект действия был автором собственных программ и целей. Акт деятельности артикулируется в этом контексте как действие субъекта, направленное на объект.

Понятие субъекта предполагает некое единство смысла его действий, если он субъект действия, или рациональный способ постижения реальности, если он субъект познания. В том и другом случае понятие субъекта означает некоторую отстраненность его от массы, от социальной реальности, которая создает ему возможность конструирования персонального пространства, отдельность от всех

остальных субъектов и автономию его собственного смысла. Согласимся, что вряд ли возможен субъект, совершающий абсолютно бессмысленные поступки или вообще не производящий действий в социальном пространстве. Таким образом, возможность и способность действовать, некую рациональность действий и автономию в социальном пространстве можно обозначить как сущностные характеристики субъекта в проекте западного гуманизма.

С точки зрения Дж.Александера [2], социологические теории отличаются не только логикой исследования, но и тем, как “трактуются социальные действия – главный предмет социологического анализа, при этом зачастую они исходят из одностороннего взгляда на природу и основной источник социального действия, а также на его детерминацию” [4, с. 45]. Многие теории восходят к рациональному индивидуализму Т.Гоббса, локализируют первоисточник действия на уровне отдельного индивида, исповедуют методологический индивидуализм. “Индивидуалистическая позиция в социальной теории Нового времени до размежевания на социологию, политическую теорию, этику, право и т.д., в значительной мере связывала себя с идеей “естественных прав” индивидов как далее неделимых источников преднамеренного, интенционального и преимущественно рационального действия, реализующего индивидуальные, преимущественно материальные интересы” [4, с. 45–46]. Другим важным аспектом этой позиции являлось понимание индивида как конечного субъекта моральной, правовой и гражданской ответственности за свои действия. Наконец, индивид рассматривается в ней как носитель высшего авторитета в интерпретации собственных поступков и собственной жизни в целом, как автор, обладающий привилегированным эпистемологическим доступом к замыслу, субъективной цели и обоснованию действия. Природа социального является в этой интерпретации вторичной относительно вопросов, касающихся действий индивидуальных субъектов.

Трактовка индивида как последнего, далее неделимого носителя мотивов, интересов и обоснованных убеждений

об уместных способах действия вела к целому ряду логических и содержательных трудностей, истинный масштаб которых стал очевиден только во второй половине XX в. Но, как пишет И.Девятко, “уже в работах Ш.Монтескье и Ж.-Ж.Руссо можно найти достаточно ясные представления о том, что возможно индивиды, вместе со своими правами и интересами, сами являются порождением общества как целого, социального мира, иными словами, индивиды не обладают никакой естественной и аутентичной “внутренней сущностью” как источником побуждения к действию, воления” [4, с. 46]. В этом случае социальное целое становится принципом объяснения, а индивидуальные социальные действия – его предметом. С точки зрения эпистемологической такая позиция может быть обозначена как “методологический холизм”.

Два подхода – методологический индивидуализм и холизм – исходят из противоположной трактовки действия индивида и его окружения, но, помимо этого, в социальной науке существует другое важное разграничение – субъективизм/объективизм. На сегодняшний день в философии сложились различные виды разграничения объективного и субъективного в гуманитарном познании. Существует различие объективного как материального и субъективного как идеального в общепринятом философском смысле (Дж.Ритцер [3], но иногда используется и другое: “объективное как внешнего, социального и морального ограничения индивидуального воления и действия (в смысле дюркгеймовских ограничений, не обязательно материального, хотя всегда связанного с существованием других людей) и субъективного как волюнтаристского действия (детерминированного субъектом действия “из себя”, свободного от внешнего ограничения)” [4, с. 47–48]. Вопрос о внешних условиях и реальных последствиях действия в этих двух случаях вторичен, так как идея действия при этом может быть понята только из воления как такового. В последнем случае субъектом действия может быть и некий холистский “сверхиндивид”, обладающий “наиндивидуальной волей”.

В частности, объективизм второго толка представлен в концепции социологизма Э.Дюркгейма, а субъективизм в таком контексте представляет постшопенгауэрсовская/постницшеанская традиция социальной мысли, “в которой воля рассматривается не как импульс к применению рациональных принципов в практическом действии, а как доинтеллектуальное “хотение”, использующее Разум и его принципы в своих целях” [4, с. 48].

Кроме этого, существуют различные предположения относительно источников детерминации социальных действий. Можно выделить детерминизм “внешних условий”, иначе говоря “материализм” (“когда элементы, влияющие на человеческое действие, определяются как чисто объективные, ориентированные только на внешнее эмпирическое окружение” [4, с. 58]). Второй крайней позиции исследовательского анализа в этом случае соответствует предположение об исключительно “внутренней”, субъективной природе элементов, детерминирующих действие (“когда влияющие на действие элементы воспринимаются как исходно субъективные, как идеальные или “нормативные”, ориентированные на метафизическое окружение” [4, с. 58]).

Одним из ведущих теоретических направлений в социологии является концепция интенционального действия. Она включает в себя указание на направленность действия на некоторую цель, т.е. на характеризующую действие в качестве такового интенцию, а также на устанавливаемое с помощью рассудка соотношение между интенцией и избранными средствами, определяющее рациональность действия с точки зрения имеющихся у действующего субъекта знаний, объективных возможностей и средств. В интерпретативных теориях деятельности исходной и конструктивной для социального действия считается именно субъективная интенция, а натуралистические теории практической (инструментальной) рациональности объясняют действия и саму их интенциональность прежде всего через знание (обоснованные убеждения) действующего

щих субъектов о своих объективно определяемых индивидуальных целях-интересах и возможностях-ресурсах. В теориях практической рациональности авторы исходят из того положения, что “смысл действия может и должен идентифицироваться объективно, если мы вообще способны отличить имеющие смысл действия от случайных и необдуманных поступков, с одной стороны, либо намерений, ретроспективных интерпретаций или заведомых фантазий – с другой” [4, с. 87].

Как в интерпретативной теории действия, так и в концепциях практической рациональности действия выступают в роли практических заключений, выводимых из интенций и убеждений. Таким образом, понятия действия и рациональности оказываются взаимосвязаны в обоих подходах. Это логично, поскольку с точки зрения социологии со времен М.Вебера понимание возможно только в той мере, в какой присутствует изначальный рациональный смысл действия.

В классической социологии М.Вебер ограничивал возможность истолкования социального действия, если оно осмысленно лишь на уровне объективной глубинной структуры или объективных интересов действующих. Причина такого ограничения – в нежелании явным образом допустить, что возможна иная трактовка осмысленного действия помимо интерпретативной теории деятельности. Такой подход не позволяет сочетать анализ социальных действий с анализом структур общества. Этот недостаток веберовской концепции попытался исправить Э.Гидденс в концепции дуализма структуры и действия. Э.Гидденс суммирует восходящий к М.Веберу теоретический спор о природе и источниках социального действия и формулирует принципиальную невозможность сведения его исключительно к субъективной интенции. Таким образом, можно сказать, что интерпретативная теория социального действия по необходимости должна дополняться анализом тех возможностей, которые предоставляют для актора существующие в обществе структуры.

Основное отличие теорий практической рациональности от интерпретативных теорий действий состоит, на мой взгляд, в том, что последние неизбежно вносят нормативный элемент в модель социального действия, поскольку ориентируют его на рациональность, которая всегда связана с универсальными стандартами интерпретации. Эта универсальность неразрывно связана с этическими нормами, господствующими в обществе. В теориях практической рациональности действие ориентировано на результат, а не на соблюдение норм.

Выводы. Можно сделать предположение, что понятие субъект в постнеклассической социологии придет на смену понятиям “личность”, “актор” или “агент”. В чем состоит основное отличие понятия “субъект” от понятия “личность”? В том, что понятию “личность” свойственна некая субстанциональность. Она обусловлена чертами характера, темперамента – то, что называется личностной особенностью. Но сама суть личности объявлялась сформированной социальными процессами, поскольку личностью не рождаются, ею становятся в процессе социализации. Это ставшая уже азбучной истина ничего не дает нам в понимании того, как происходит процесс социализации. Индивидуальные черты личности будто наслаиваются на уже готовый каркас, но дело в том, что такого каркаса не существует. Имеет место процесс постоянного становления и взаимодействия субъекта с той ситуацией, в которой он оказывается. Именно ситуация, становясь рутиной, постепенно формирует базовые фреймы, которые в дальнейшем накладывают отпечаток на образ личности человека.

Личность, индивид, человек – все эти понятия отражают постоянство сущностных черт. Субъект – это понятие, позволяющее совместить в одном образе процессы познания, действия и власти как одной из характеристик действия. Сознание субъекта в таком случае предстает не как особый внутренний мир, где действуют свои законы, не микрокосм, упорядоченный по аналогии с макрокосмом, а как тонкая оболочка, скрывающая хаос необдуманных желаний,

импульсов, которые только благодаря усилию воли или внешнему принудительному воздействию, временно оформляются в образ личности как особой индивидуальности, сформированной условиями социума и культуры.

В постнеклассических социологических концепциях субъект разбивается на три составляющие – субъект власти, субъект познания и субъект действия. Все они объединяются в таком образе субъекта, который, с одной стороны, детерминирован реальностью, ее ограничениями в виде разных структур, а с другой – обладая способностью к саморефлексии, субъект, осознавая эти ограничения, в какой-то мере может получить возможность свободы. Эта возможность осознания и свободы субъекта как понятие-образ отличает его от понятий-образов акторов и агентов. Акторы – это действующие лица, вовлеченные в игру полей или обусловленные правилами социальных институтов. Агенты еще в меньшей степени свободны в своих поступках, чем акторы. Агенты представляют групповые интересы, являются своеобразными воплощениями символического в реальность. Они, с одной стороны, заложники своих социальных ролей, а с другой – наделяются наибольшей символической властью в рамках той части реальности или группы, которую они олицетворяют. Понятие “субъект”, в отличие от понятий “актор” и “агент”, частично снимает однозначность зависимости действующего лица от социальности, культуры, наличных ресурсов. В случае выбора субъекта как рабочего понятия теоретической концепции внимание исследователя обращается на диалектический процесс взаимообусловленности субъекта и социальной реальности.

Теория субъектов действия в современных постнеклассических концепциях, вероятно, должна быть дополнена новым вариантом типологии социальных действий. Классическая веберовская типология основывалась на разграничении рациональных и иррациональных типов действий. Дополнением к ней может стать креативный тип действия как действия, направленного не всегда на пере-

устройство реальности, а на создание условий для создания собственного “Я” субъекта. Но более интересным мне представляется тип символического действия как действия по созданию новых смыслов и символов в символической картине мира.

Кроме этого, теория социального действия будет развиваться с использованием наработок аналитической философии по поводу анализа самих актов действия и связанных с этим моделей практической рациональности. Скорее всего, речь пойдет об изучении видов и стратегий действий в зависимости от ситуативного, культурного, социального контекста. Также вероятно в ближайшем будущем в теоретической социологии не останется без внимания анализ непредсказуемости последствий рационально продуманных действий. Эта тема будет служить развитием проблемы непредвиденных результатов социальных действий, которую еще Р.Мертон считал важнейшим вопросом для социологии.

Литература

1. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология: пособие / Юрий Михайлович Резник. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. – 327 с.
2. Alexander J.C. Action and Its Environments: Toward a New Synthesis. – N.Y. : Columbia University Press, 1988. – 347 p.
3. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер; [пер. с англ.]. – СПб. : Питер, 2002. – 668 с.
4. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности / Инна Феликсовна Девятко. – М. : Аванти Плюс, 2003. – 336 с.
5. Гидденс Э. Устройство общества : очерк теории структуризации / Энтони Гидденс; [пер. с англ. Н.Тюриновой]. – М. : Академ. Проект, 2003. – 528 с.
6. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / Ален Рено; [пер. с фр. С.Б.Рындина]. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 474 с.